

СЕКЦИЯ 2. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

АНАЛИЗ БИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ В ИССЛЕДОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина

Вспомним рассуждения всемирно известного детектива Шерлока Холмса о дедуктивном методе, помогающем ему обнаружить преступника, определив его идентичность. Не без некоторой иронии можно утверждать, что методы социолога вполне сопоставимы с методами детектива, успешного в реконструкции неясных причин и мотивов социального действия, умеющего идентифицировать человека по мельчайшим особенностям поведения.

Социолог, как и детектив, должен уметь восстанавливать последовательную цепь событий. «При решении подобных задач очень важно уметь рассуждать ретроспективно... Лишь немногие, узнав результат, способны проследить, какие же причины привели к этому результату. Вот эту способность я называю ретроспективными или аналитическими рассуждениями» [96а, с. 129].

Елена Андреевна Здравомыслова – кандидат социологических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге. *E-mail:*
Анна Андриановна Темкина – PhD, декан факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

200

Социолог должен уметь в рассуждении идти от следствия к причине – только так можно изучить идентичность. Эта профессия требует интуиции, способности к логическому сопоставлению фактов и их интерпретации, в том числе фактов, противоречащих общей логике, исходя из принципа когерентности социальных явлений: «Надо больше доверять себе... Если какой-либо факт идет вразрез с длинной цепью логических заключений, значит его можно истолковать иначе» [96а, с. 64].

Аналогично детективу, социолог должен увидеть то, что не замечают другие, но что содержит ключ к разгадке неизвестного. Опираясь на эмпирические детали, в том числе противоречащие друг другу, он может выделить базовые компоненты в цепи произошедших событий. Описывая свой метод доктору Уотсону, Холмс рассуждает: «В самом начале расследования Вы не обратили внимания на единственное обстоятельство, которое и служило настоящим ключом к тайне. Мне повезло, и я схватился за него и все дальнейшее только подтверждало мою догадку и в сущности являлось ее логическим следствием. Поэтому все то, что ставило Вас в тупик и, как Вам казалось, еще больше запутывало дело, мне, наоборот, многое объясняло и только подтверждало мои заключения... Странные подробности вовсе не осложняют расследование, а наоборот, облегчают его» [96а, с. 65]. Подобно Шерлоку Холмсу социолог должен проверять и перепроверять свои предположения, обращая внимание на всевозможные, особенно «странные» контекстуальные обстоятельства.

Овладев дедуктивным методом, исследователь может использовать искусство интерпретации для исследования идентичности, поскольку причинно-следственные связи пронизывают ткань повседневности: «Всякая жизнь – это огромная цепь причин и следствий, и природу ее мы можем познать по одному звену» [96а, с. 65]. Освоив некоторые премудрости дедуктивного расследования, обратимся к социологическому исследованию идентичности посредством анализа текста автобиографии.

201

Попытаемся оценить роль (авто)биографии в мире (пост)современности (post-modernity), опишем свойства нарративного биографического интервью, укажем на особенности его проведения и анализа на конкретном примере. Как и Шерлок Холмс, при анализе структуры нарративного Я мы будем искать ключ к разгадке идентичности рассказчицы: ретроспективно реконструировать факты ее жизни, их интерпретации и сопутствующие переживания в событийном (практическом), когнитивном и аффективном измерениях.

1. Биографизация современности

С точки зрения многих социологов, современное общество характеризуется процессом биографизации, или биографической эмансипации (см., например, [16а, 200b]). В таком обществе существует большая степень свободы. Биография становится результатом индивидуальных решений и выборов, не скованных жесткими структурными рамками, традициями и ригидными моральными нормами. Существует простор для различных, в том числе фантазийных, перспектив конструирования личной идентичности. Индивид может изменить место работы и место жительства не только в пределах одного государства, но и за его пределами, может выйти за пределы фиксированной локализации и обрести идентичность номады. Предметом постоянной рефлексии и объектом политики идентичности, кроме социального положения и стиля жизни, становится и собственное тело. Можно не только похудеть, изменить цвет волос и глаз, но и цвет кожи и даже пол, не говоря о таких «пустяках», как сексуальная ориентация, семейное положение. Биография перестала быть предзаданной, возможно, для конструирования своего Я расширились по сравнению с предшествующими временами, и в этом заключается биографизация общества.

Биографизация общества как конструирование многообразных и не всегда предсказуемых Я выражается в феномене

биографической работы [200а, р. 1085], которая охватывает все социальные слои и среды. Отвечая на ключевой для определения идентичности вопрос «Кто Я?», современный человек обескуражен. Часто он не находит готовых ответов на этот вопрос. Усложнение социальных конфигураций, функциональная дифференциация и фрагментация, бытийная неопределенность в контексте случайностей и глобальных рисков, множественность личностных аффилиаций, иногда конфликтных, входящих в глубь темного ядра бессознательного, — это типичные черты (пост)современного общества. В таком хаосе трудно выстроить собственную идентичность; для этого требуются постоянные усилия и рефлексии. Самоопределение в социальном контексте становится повседневной и постоянной задачей современного человека. Многообразная деятельность по вписыванию себя в мозаику социальной реальности прерывается в биографическую работу, требующую навыков и затрат. Любые действия, решения, выборы могут интерпретироваться как элементы биографической работы. Она осуществляется в ответ на потребность определения себя в ткани бытия. Такое (пере)определение себя необходимо для эффективной коммуникации, для совершения любого социального действия, для обеспечения интерактивной компетентности и подотчетности действующего лица. Итак, *биографическая работа как формирование идентичности в условиях современного сверхсложного и неопределенного общества становится значимым социальным процессом, определяющим конфигурацию социального мира.*

Кризис идентичности — еще один феномен современности — связан с тем, что границы Я размыты, неопределены, это вызывает фрустрацию и потребность поиска границ своего и чуждого. Трансформации общества, которые в России ощущаются уже почти 20 лет, — особый вызов для идентичности, а значит, и для биографической работы. Отечественные [45а; 76а; 183] и зарубежные исследователи [179] описывают стоящие кризиса идентичности в контексте ломки российских

социальных институтов. «Шкатулка идентичностей» содержит ограниченное число версий, но и среди них непросто сделать выбор. В них надо разобратся, примерить, подойдет ли, отбросит то, что не годится, и в конечном счете остановит свой выбор на той личине, которая накрепко пристанет и будет рас- познаваться окружением как «истинное лицо». «Человек меняет кожу», и это болезненный, длительный и сложный процесс, обусловленный неопределенным меняющимся контекстом. Контекстуальные условия, создающие матрицу возможностей и барьеров уместной идентичности, не сводятся к социальному пространству и синхроническому измерению. Темпоральный контекст новой биографической работы актуализирует генеалогии семей и родов, актуализирует устойчивую и недавнюю память поколений.

Субъектами биографической работы становятся индивиды, семьи и более масштабные коллективности – корпорации, организации – все те, кто обладает идентичностью или выстраивают ее. Форматы биографической работы могут быть различны, здесь нас интересует лишь один из них – собственное индидуальная автобиографическая работа, устное авторское жизнеописание, получаемое в ходе биографического нарративного интервью.

Форматы авторских жизнеописаний различны. Люди рассказывают о своей жизни часто, в разных контекстах и по раз-

ным поводам. В учрежденных они следуют матрицам самопрезентации, заданным бюрократическими и функциональными задачами. В самопроизвольных жизнеописаниях мемуарного характера они следуют форматам, определенными культурными парадигмами [45a]. Такие жизнеописания разворачиваются по принципу литературного романа – длительного повествования, имеющего начало, середину, конец. Действующие лица впадают в ткань повествования, насыщенного институционализированными сюжетами – нарративами о детстве, отрочестве и юности; работе, семье, досуге и пр.

Особый жанр биографической работы связан с интервью, когда в режиме устного творчества рассказчик реагирует на стимул исследователя. Такой рассказ, несомненно, ситуативен. Не только личность интервьюера влияет на атмосферу рассказа, но и характер стимула, побуждающего к автобиографическому рассказу, и легенда исследователя, т.е. представленное объяснение задач проекта, почему он обратился именно к этому человеку, для чего ему нужны сведения именно о его жизни, каковы могут быть последствия и т.п.

Если мы соглашаемся с диагнозом биографической эмпирии общества и понимаем, что создание самоидентичности в трансформирующемся обществе требует напряженной биографической работы, что существуют культурные парадигмы жизнеописаний, характерные для тех или иных обществ, то мы можем сформулировать некоторые характеристики авторских жизнеописаний в нарративном интервью.

2. Свойства нарративного биографического интервью

Опишем некоторые характеристики нарративного биографического интервью, выделенные различными исследователями. Прежде всего, авторский рассказ о пережитом, или авторское устное жизнеописание, содержит несколько темпоральных измерений: рефлексии о прошлом, настоящим и ожидаемом будущем. Исследователь исходит из того, что настоящее

¹ Описывая ситуацию кризиса идентичности, в которой оказалось постреволюционное поколение России, одна из героинь романа Бруно Ясенского «Человек меняет кожу» рассуждает так, как мог бы рассуждать современный молодой человек: «Мы пока что меняем кожу. Это массовый и болезненный процесс. Изменились отношения между людьми, между людьми и вещами, между людьми и государством. Расширились масштабы каждой отдельной личности, старая кожа... лопнула. Мы меняем ее на более просторную, в которой нам легче дышать» (Ясенский Б. Человек меняет кожу. Л.: Лениздат, 1980. С. 96).

тематизирует прошлое. Тематизация задается, когда социолог предлагает потенциальному рассказчику легенду о целях своего проекта. Он может, например, сказать: «Мне интересно услышать Ваш рассказ потому, что Вы живой свидетель таких-то событий», или «потому, что Вы достигли такого редкого положения», или «потому что Вы уникальны», или «потому, что Вы типичны» и пр. Кроме того, та ситуация, в которой находится рассказчик здесь и сейчас — болен он или здоров, счастлив или травмирован, оптимистичен или подвержен депрессии, голоден или сыт — тоже влияет на селективную работу памяти. *Прошлое представлено в биографическом интервью избирательно*, но сами рассказчики зачастую этого не осознают. Кроме того, рассказ о пережитом выстраивается с ориентацией на ожидаемое будущее — переезд, вступление в новую фазу жизненного цикла, уход из жизни и т.п.

Исследователи нарративного интервью проводят различие между прожитой жизнью и рассказом о пережитом. В нарративе рассказчик выстраивает свой прошлый опыт как аутентичный, т.е. представляет события и сопутствующие им переживания и оценки как достоверные. Однако эта достоверность иллюзорна. Но именно претензия на аутентичность является конституирующей частью биографической работы, в результате которой создается нарративное Я, Я рассказчика. Это Я стремится не только к тому, чтобы предстать подлинным, но и чтобы быть признанным в качестве такового другим. Значит, рассказчик постоянно должен выстраивать последовательность разных фрагментов своей жизни (фактов, переживаний, интерпретаций) так, чтобы она была узнаваема другими.

В результате рассказ о жизни представляет собой некоторую целостность. Автобиограф всегда ориентирован на то, чтобы охватить все опыты своей жизни в смысловое целое, а не в череду разрозненных событий. Подспудная когерентность изложения предполагает связность отдельных фрагментов общим смысловым стержнем. Именно наличие латентного смыслообразующего ядра приводит к тому, что рассказчик выделяет

ет и подробно описывает одни фрагменты своей жизни, а другие забывает или оставляет в тени. Рассказывая о пережитом, человек совершает контекстуально определенную биографическую работу, придавая (не всегда осознанно) смысл своей жизни перед лицом вызовов жизненного многообразия. Формирование этой нарративной структуры особенно важно в современном фрагментированном мире, где задачи конструирования идентичности определяются поиском стратегий жизнеустройства. Биографическое структурирование в интервью — один из аспектов повседневной техники жизнеорганизации.

Еще одной особенностью нарративного биографического интервью является множественность текстуальных модальностей. В тексте интервью репрезентирован пережитый опыт. Согласно феноменологическому подходу структуры опыта предполагают три измерения — практическое, аффективное и когнитивное. Это означает, что во всяком фрагменте опыта можно аналитически выделить действия и взаимодействия, переживания, ощущения и осмысление этих (взаимо)действий. В соответствии с этим представлением о структуре опыта исследователи различают три основных смысловых пласта, которым соответствуют разные текстовые модальности. Анализируя сочетание этих текстуальностей, сравнивая их с событийной канвой рассказа, можно составить представление о смысловых нагрузках текста и выявить смысловую стержень, который объединяет текст нарративного интервью в единое целое. Опишем подробнее текстовые модальности, которые исследователь должен распознавать в нарративе.

А. Описательный текст представлен изложением последовательности фактов и событий, соотношенных с пространственно-временным контекстом. Стиль текста — объективистский, в нем нет описания эмоций и ощущений, он не содержит эксплицитированных оценок. Такой текст подобен дистанцированному (отстраненному) изложению, где вовлеченность рассказчика обозначена лишь указанием на его функцию. Приме-

ром может служить типовая автобиография, которую представляют при поступлении на работу.

Б. Собственно нарратив, представляющий эмоционально насыщенные фрагменты, содержащие описание собственных или чужих переживаний. Такой текст включает грамматические и интонационные формы, стимулирующие ответную эмоцию слушателя. В них суть пережитого: боль, страх, смех, слезы, радость, тревога и пр. Без эмоциональной части нет нарративного интервью, нет рассказа о пережитом, а есть лишь сухая канва событийной цепочки.

В. Интерпретация, содержащая объяснение и оценку произошедшего. Рассказчик эксплицирует причинно-следственную связь событий, относящихся к его жизненному опыту, обобщает факты, выстраивает системы референций и т.д. Таковая текстовая модальность призвана упорядочить событийный ряд, помочь осмыслить его место в рассказе о пережитом.

Каждой текстовой модальности соответствуют языковые и речевые маркеры, которые искушенный исследователь легко распознает. В интервью текстовые модальности встречаются в разных сочетаниях, однако исследователи исходят из того, что композиция разных типов текста, относящихся к некоторому фрагменту жизни, создает смысловую насыщенность опыта.

Обратимся теперь к структуре нарративного интервью. В тексте автобиографического повествования (который является результатом авторской импровизации) выделяют секвенции и коды. Секвенцией называют фрагмент, выделяемый из текста по определенному критерию и составляющий смысловое целое. Каждая секвенция характеризуется особой конфигурацией текстовых модальностей¹. Кода, завершающая секвенцию, ин-

¹ Секвенция в музыкальном произведении представляет собой одну из возможных вариаций темы, которая находит свое место в строгой, гармонически заданной последовательности фрагментов (секвенций) пьесы. В коде, завершающей пьесу, повторяются и сводятся воедино основные темы.

тонационно и грамматически маркируется различными финишными оборотами, например, «вот и все, собственно». Как правило, кода содержит смысловое резюме, подытоживающее жизнеописание, хотя вывод не всегда эксплицируется. Секвенции можно делить на подсеквенции в соответствии с промежуточными кодами, дробя таким образом текст по критериям эмического, или внутреннего характера.

Задача анализа нарративного интервью – представить структурное биографическое описание, выявить смысл рассказа и тип сделанной нарративным Я биографической работы. Тип биографической работы обусловлен самыми разными факторами: и пережитым опытом рассказчика, и вариацией культурной парадигмы биографической самопрезентации. При этом главные механизмы жизнеописания приравниваются к основным типам биографической работы и соответствуют объективным процессам самоидентификации личности.

На основании анализа нарративных интервью, собранных в ходе многочисленных исследовательских проектов, немецкий социолог Фриц Шутце [220a] выделяет четыре биографических процесса, имеющих особенность секвенциональности и социолитивистических построений.

1. *Биография как траектория идентификации (trajectory)*. Пример такого биографического процесса представляет нарратив тяжело больного человека о том, как протекало его заболевание и о том, как оно постепенно изменяло его место в социальном пространстве и его идентичность. Ретроспективно рассказчик нанизывает все воспроизводимые им события на одну канву – становление и разворачивание опыта страдания больного.

2. *Биография как стратегия (biographical action scheme)*. Пример такого конструирования нарративного Я – рассказ человека, достигшего значительных успехов в карьере. В рассказе присутствует стратегический сюжет, подчеркивается поступательное движение действующего лица от события к событию, от одного этапа обдуманного и распланированного жиз-

ненного пути к другому. При этом рассказчик подчеркивает наличие первоначального замысла действия, делает акцент на своей рациональности и самостоятельности в принятии решений в условиях контекстуальных возможностей и барьеров. Рассказ насыщен воспоминаниями о «помощниках», способствующих достижению поставленной цели и «злодеях», создающих препятствия и строящих козни. В центре нарративного Я — идея *self-made person*, человека, последовательно преследующего поставленные цели и добивающегося их.

3. *Биография как институциональная карьера (institutional career line)*. Нарративное Я сводится к описанию цепочки ожидаемых ролевых образцов, соответствующих разным институциональным аффилиациям рассказчика. Жизненный путь представлен как последовательность ролей: ребенка, учащегося, военнослужащего, работника, отца, супруга, пенсионера и пр. Рассказчик чаще прибегает к перечислению событий, не акцентируя внимания на своих переживаниях и не интерпретируя свой опыт в категориях активности, индивидуальности и др.

4. *Биографический процесс как превращение (metamorphosis)*. Ключ к пониманию такого нарратива — изменение биографического гештальта рассказчика. Описывая свою жизнь, информант отмечает ее переломные моменты (эпифании), которые он представляет как ключевые события, способствующие его перерождению. В результате конкретных неожиданных событий, сопряженных с сильными эмоциональными переживаниями, меняется, по словам рассказчика, смысл его собственной жизни. Такое изменение биографического гештальта подобно эффекту психологического эксперимента по восприятию сложной конфигурации фона и фигуры (эксперимент с вазой и профилями). Человек видит на рисунке либо вазу, либо два профиля, в зависимости от рамки восприятия, которая формируется под воздействием обстоятельств. Пример такого биографического превращения — резкое изменение персональной системы ценностей и примыкание к альтернативным общественным движениям. Так, в одном из интервью, со-

бранных Ф. Шютце, информант, в прошлом участник Второй мировой войны, ныне лидер пацифистского движения, рассказывает, как опыт рукопашной схватки с противником подростком оказался решающим в изменении его взглядов на роль военного насилия в решении конфликтов.

Обращая внимание читателя на описанные типы биографического процесса, мы хотели бы подчеркнуть, что, во-первых, эта типология не является исчерпывающей, так как она создана индуктивно, и, во-вторых, что всегда есть шанс обнаружить в любом нарративном интервью (пусть в неравной мере) фрагменты всех типов биографического процесса.

3. Процедуры проведения нарративного интервью

Задача интервьюера — получить насыщенное, развернутое жизнеописание, распадающееся на секвенции, далеко не всегда соответствующие ходу событий, но подчиненные внутренней логике изложения и заверенные кодой. Такой рассказ необходимо стимулировать (или провоцировать) открывающим вопросом, от которого во многом зависит ход изложения. Вопрос должен задать тему повествования, например: «Как складывалась Ваша жизнь до того, как Вы стали феминисткой?» или «Расскажите подробно о том, как проходило Ваше детство». Такие общие вопросы-задания обрисовывают исследование — житейскую задачу. В первом случае объект исследования — жизнеописание феминистки, во втором — опыт детства. В обоих приведенных примерах сказуемые вопросительных предложений указывают на процессуальность опыта и предвосхищают процессуальность рассказа.

Ответом на открывающий вопрос должен стать продолжительный рассказ. Интервьюеру не следует пребывать рассказчика, его задача мимикой и междометиями поддерживать поток речи, который завершится кодой, например: «Вот и все». После транскрибирования с интонационными модуляциями мы получаем первую, основную часть интервью.

Вторую часть интервью составят ответы на уточняющие основное повествование вопросы, при формулировке которых интервьюеру рекомендуется пользоваться лексикой информанта. Вопросы могут быть подготовлены заранее в виде путевода; в процессе интервью они выстраиваются в последовательности жизненного пути информанта или в последовательности изложения.

В конце интервью рассказчика обычно просят отвлечься от воспоминаний, вернуться в настоящее время и оценить прошлое с позиций сегодняшнего дня. Это делается для того, чтобы получить в фокусированном виде интерпретацию прошлого опыта в терминах современного контекста. Пример завершающего вопроса: «Как теперь Вы оцениваете то, что с Вами тогда произошло»? Его задача – спровоцировать коду как осмысленную смысловую фигуру нарративного интервью.

4. Принципы реконструктивного анализа идентичности

Перед тем как перейти к анализу фрагмента биографического интервью, формулируем основные принципы нашего подхода и определим его процедуры. В процессе реконструкции идентичности по биографическому интервью, мы опирались на следующие положения:

1) мы заранее не формулировали никаких гипотез и теорий, а руководствовались самыми общими философскими и эпистемологическими представлениями о нарративном Я;

2) поскольку нарративное интервью содержит смысловой стержень (красную нить), отображающий целостность биографического процесса и сконструированную идентичность, наша задача заключалась в том, чтобы выявить гештальт биографического нарратива, т.е. рамку, которая организует рассказ о пережитом и придает ему смысл;

3) так как каждая секвенция соотносится определенным образом с биографическим гештальтом рассказчика, исследо-

ватель должен стремиться определить место конкретной секвенции в целостном нарративе;

4) исследователь старается понять, по каким правилам строится жизнеописание, как описывается процесс принятия решений, как автор отбирает темы для воспоминаний; диапазон возможностей рассказа сужается, благодаря умелым или неумелым выборам, сделанным рассказчиком; рассказ о жизни содержит сообщение о значимости того или иного опыта для идентичности рассказчика;

5) цель анализа – понять уникальность случая и определить, насколько он типичен (представителен), т.е. реконструировать «объективный» латентный смысл, который может быть не осознан автором. Конечный смысл складывается не только из собственных интерпретаций рассказчика, но и на основании социологического осмысления текста. В итоге исследователь определяет тип биографического процесса, воспроизведенного в интервью, и дает ему название.

5. Шаги анализа нарративного интервью

1. Вначале проводится анализ биографических данных информанта и строится биограмма, включающая информацию о событийной канве жизненного опыта. Затем, опираясь на первичное знакомство с биографией, на социологическое знание и знание исторического контекста, выдвигают первичные гипотезы о возможностях и ограничениях выбора жизненной стратегии и конструирования идентичности рассказчика. Здесь необходимо дистанцироваться от материала нарратива и оценок информанта и последовательно отличать повествование о пережитом опыте от событийной канвы жизни.

Техника анализа на первом этапе следующая. Биографию читают целиком, затем в ходе группового обсуждения восстанавливают хронологию событий и выдвигают реалистические предположения о том, что составляет суть (смысл, красную нить) нарративного Я, например: «Я – успешная женщина, по-

ной опыт рассказчика. Результатом является уточненное представление о нарративном Я, реконструированное на основании конкретных фрагментов опыта: например, преодоление неблагоприятных обстоятельств болезни и одиночества с помощью старшей сестры. Весьма информативными оказываются коды отдельных секвенций. Например, кода «итак, я спрашивалась со школьной программой, хотя это было нелегко» представляет собой оценку окончания школы как успешно законченного этапа образования.

Технически процедура анализа выглядит следующим образом: сначала выделяется рассказ о событиях в рамках одной секвенции, затем определяется эмоциональная окраска повествования (именно на этом этапе можно говорить о значимости пережитого опыта), выделяется кода и интерпретируется собитийная канва нарратива.

5. Уточненное представление о нарративном Я, полученное при анализе отдельных секвенций (а затем и всей их совокупности), сопоставляется с предварительными гипотезами об идентичности рассказчика. По завершении секвенциального анализа проверяются предположения о причинах тематического переключения нарратива, о выборе одних событий как значимых (например, помощь врачей, активность в поиске новых средств лечения) и вытеснении других (например, проблемы болезни отходят на задний план при репрезентации профессиональной успешности). Затем исследователь определяет тип биографического гештальта (например, биография как траектория жизненного пути, определяемого постоянным преодолением болезни).

6. Анализ нарратива

Теперь продемонстрируем схему анализа на материале фрагмента биографического интервью с МП¹, занимавшей вы-

¹ Интервью с МП взято Е. Здравомысловой в 1999 г. в рамках проекта «Поколение 1950-х годов рождения: формирование элиты».

стоянно преобладающая неблагоприятные обстоятельства», или «Я – это женщина, эффективно использующая помощь близких», или «Я – уникальный человек, неповторимый по своим внешним и внутренним качествам» и пр.

2. Далее реконструируется гештальт рассказа. Опираясь на предположение о секвенциальности истории, исследователь должен выделить секвенции и понять, почему они выстроены именно в такой последовательности, почему рассказчик совершил переход от одной темы к другой, почему он завершил свое повествование так, а не иначе.

На данном этапе анализа мы ищем нарративные единицы – секвенции – и членим их на более мелкие подсеквенции, ищем фигуры речи, соответствующие секвенциальному переклещению повествования (замешательство, перемена темы, лексические маркеры типа «потом», «вдруг»), завершающие коды. Кода – это ключ к пониманию всего рассказа, представленная умозаключением или аргументами, приводимыми, как правило, в конце секвенции. Кода привязана и к настоящему, и к общему ходу рассказа¹.

3. При сравнении биограммы с нарративом и контекстом необходимо вновь обращать внимание на то, почему рассказчик отклоняется от последовательного изложения хода событий, каким обстоятельствам он придает значение, а что оставляет за рамками подробного рассказа, описывает походя, без передачи эмоций и интерпретаций.

4. В ходе открытого кодирования отдельных секвенций² выделяют ключевые категории, характеризующие тот или

¹ Например, после рассказа о болезни в детстве и юношестве следует рассказ об успешной профессиональной карьере во взрослом возрасте, хотя болезнь продолжает развиваться и накладывает существенные ограничения на жизнь рассказчицы. Переход к новой секвенции маркирован фразой: «А потом я начала работать».

² Открытое кодирование – процедура, разработанная в русле «обоснованной теории», см.: [155а, с. 52–62].

сокое положение в региональной политической иерархии: на момент проведения интервью она являлась членом правительства одного из субъектов РФ. Мы рассмотрим секвенцию, включающую рассказ о детстве и ранней юности.

И.: Расскажите, пожалуйста, как складывалась Ваша жизнь до сегодняшнего дня.

МП: 46-й год, родилась в Крыму, в семье – мама была учительницей, папа служащим – радиотехником. Это был 46-й год, в 5 Крыму был голод, и наша семья была, так сказать, страдала от голода. Я родилась семимесячной, потому что, чтобы не умереть с голоду, мама завела козу и, чтобы передвинуть [неразборчиво] в нужное место, она подняла рельсу, поэтому я родилась, вот, преждевременно. Была такая маленькая, ну совсем... как бы не жизнеспособная. И когда отнесли к врачу, – я не знаю, почему я сразу это вспоминаю, ну, наверное, это для чего-то надо, – отнесли к врачу, врачи сказали: «Не выживет, так что...» Когда возвратились домой, встретили знакомую, пожилого бабушку, она говорит: «Да вы что! Вы ее в тепло». Мне сшили теплую одежду из ваты и положили меня в пеленку. И я была, как вот, ха!

И.: Как ...

МП: Как в камере, да! В специальной. Вот, и я выжила. Но мама говорит, что когда я родилась, я почему-то с самого начала улыбалась. И мое какое-то естественное физиологическое состояние всегда было радостное, всегда, что бы ни происходило, т.е. вот это мне от природы как бы дано, чисто физиологически.

Когда мне годик исполнился, мои родители уехали в Сибирь – папу пригласили туда на работу. У меня интересный такой папа. И там до 13 лет я прожила, сначала на Алтае, потом в Томске, 25 но всегда в замкнутой системе: папа – радиотехник и всегда жил на радиостанциях, это закрытые такие места, закрытые участки где-то среди леса, несколько семей живет. А радиостанция – это передача, радиотрансляционная передача. И насколько я понимаю теперь, тогда с их помощью ну как бы шел анализ тех радиопередач, которые отовсюду; и что-то отсекалось, идеология такая была, т.е. они этим занимались. И так как коллективы были очень суженные, маленькие, то я получила какое-то такое, может быть, особое воспитание.

И.: А где в Сибири?

МП: В Томске. Тоже всегда в закрытых зонах, всегда. Да, там была закрытая зона, там был такой рядом город Б. – атомная электростанция находилась там, и недалеко наша радиостанция. Поэтому как-то всегда вот такие закрытые места. Ну, детство я помню каким-то... на мой взгляд, достаточно счастливым детством, я не помню каких-то отрицательных моментов.

Почему-то больше всего в детстве запомнила... я любила ходить одна в лес, любила ходить рассматривать что-то, узнавать, и мне это приносило огромное удовольствие. Но я помню и такие моменты, когда на меня напали... сильное отчаяние, какие-то «пессимизмы» были моменты, и я как бы готовилась к предстоящему несчастью, к горю какому-то или несчастливой жизни, не знаю, но вот это было. Было с чем-то связано, наверное, сейчас я уже могла бы это понять, если бы пошла по соответствующим методикам. А тогда это было и это, наверное, как-то сказывалось. 50 Но при этом безудержный оптимизм, который был мне свойственен, как-то все отсеивал.

И когда в школе я училась, и в институте как бы отмечали все мои друзья, что я чересчур веселая. «Вот будь немножко серьезнее». А при этом как бы по своей сути я, правда, серьезный человек, как... Ну, потом, мне очень... практически все легко далось: я хорошо училась, но не для того, чтобы хорошо учиться, а как бы само собой. И вот такое ощущение у меня всегда было, как будто я это уже знаю, то, что мне рассказывают, вот изначально, поэтому мне никогда не хотелось ничего учить. Физически не хотелось. Я как бы вот автоматически в нужный момент в нужном месте открывала книжку, в нужный момент дополняла – и получала все время пятерки. Вот правда! Но могла получить и двойку, у меня были такие моменты: где-нибудь я что-то или забуду, или пропущу, или отвлекусь. Но в общем-то я хорошо училась и была лучшей ученицей и у учителя русского языка – лучшие сочинения у меня были в школе, и лучшая была ученица по физике, т.е. как бы...

И.: Такие разные...

МП: Да, разные. И лучшей ученицей по истории. Но историю я совершенно не знала, абсолютно, я ни одной даты не помнила, но я выезжала всегда на выездах и заключениях и на философ-

ском каком-то обосновании. И физику я полюбила только из-за философского ее основания, так скажем. И во мне боролось много начал, когда я заканчивала школу, вообще куда пойти.

Первый шаг анализа. Реконструируем общий событийный ряд (построим биограмму) и предложим первичные гипотезы об идентичности рассказчицы (или Я-концепции нарратива).

Событийный ряд, представленный в данной секвенции, выглядит следующим образом: МП родилась в 1946 г., младенчество ее прошло в небольшом крымском городе. Когда МП исполнился год от роду, отца перевели на работу в Сибирь, куда за ним последовала семья – жена и дочь. В связи с работой отца семья несколько раз переезжала. Наша героиня прожила в Сибири до тринадцати лет в разных маленьких городах в закрытых зонах. Здесь она окончила среднюю школу.

Обсуждая общее впечатление от целиком прочитанного интервью и от чтения выделенной секвенции, группа молодых исследователей, с которыми мы работали, следующим образом сформулировала предварительные гипотезы об идентичности рассказчицы. В автобиографии МП предстает как самоуверенная, способная, удачливая женщина, уникальная по своим врожденным качествам. Она рисует себя как многообразно талантливую человека, который, несмотря на трудности, обладает врожденным оптимизмом; в целом жизнь ее складывается удачно. В тексте мы видим, что высокие достижения рассказчицы вполне соответствуют ее способностям и заслугам. Автография разворачивается как меритократический образ восходящей социальной мобильности.

Второй шаг анализа. В данном сегменте текста выделяется три подсеквенции. Первая (строки 3–21) содержит рассказ о младенчестве (до года) и заканчивается фразой (кодой) «Вот я и выжила». Вторая подсеквенция (строки 22–51) – это рассказ об изменении жизненных обстоятельств, когда МП вместе с родителями переезжает в Сибирь. Фраза «когда мне годик исполнился» обозначает переход к рассказу о новом возрастном этапе, включающем детские и школьные годы. Кода подсек-

венции указывает на «безудержный оптимизм» как базовую черту личности рассказчицы.

Третья подсеквенция (строки 52–74) – рассказ о годах учебы. Переход к ней обозначен лексическим маркером «Ну, потом...». Кода в конце фрагмента связана с описанием многосторонних интересов и способностей МП, в том числе ее склонности к философскому мышлению.

Третий шаг анализа. Сравнивая нарратив с биограммой, обращаем внимание на то, какие фрагменты текста автор насылает метафорами, переживаниями и подробностями.

Мы видим, что МП подробно описывает свое младенчество, а затем практически сразу переходит к рассказу о подростковом возрасте и школьных годах. Рассказчица не обсуждает ни подробности переезда, ни проблемы, связанные со сменой школ, нет описания родительской семьи, взаимоотношений со сверстниками и пр. Подробно вчитываясь в такой текст, мы можем предположить, что именно младенчество и особенно – обучения в школе являются для информантки наиболее значимыми в создании нарративной Я-концепции.

Используя метафору «специальной камеры», в которую ее поместили после преждевременных родов матери, рассказчица по существу говорит нам о счастливом и непредвиденном спасении; в этом же фрагменте впервые звучит тезис о ее врожденном оптимизме, который затем повторяется в тексте интервью неоднократно.

Далее, мы пытаемся ответить на вопрос: *почему описанные периоды жизни особенно важны для МП*, какое развитие получили прозвучавшие в данной секвенции метафоры и наиболее часто повторяющиеся тезисы в других частях интервью.

На этом же этапе мы сформулировали предположение о том, что автор акцентирует внимание на «особых условиях жизни, сформировавших особую личность», а также на «врожденном характере своих способностей и других личностных особенностях».

